

Сухомлина С.П.

Предводители дворянства Таврической губернии.

Можно считать фактом, что в массовом сознании предводитель дворянства ассоциируется с сатирическим образом талантливой книги И. Ильфа и А. Петрова. Даже "смена веков", произошедшая в последнее десятилетие, этого заведомо несправедливого представления о предводителях дворянства не изменила.

Как на статистов в лагере самодержавия и реакции долгое время смотрели на предводителей дворянства историки-профессионалы. Несколько поправила репутацию дворянских избранников монография А.П.Корелина "Дворянство в пореформенной России: 1861-1904 гг.: состав, численность, корпоративная организация.". Автор этого исследования рассматривает дворянские сословные организации не в традиционном контексте истории общественных антагонизмов, а только как часть истории дворянского сословия. С этой точки зрения, "предводители дворянства являлись одним из важнейших институтов дворянской сословной организации".ⁱ

Но вряд ли история дворянских сословных организаций вообще и предводителей дворянства в частности вполне исчерпана существующими исследованиями.

На протяжении 150 лет предводители дворянства оставались историческим фактом русской жизни, фактом значительным и потому заслуживающим интереса. Что представляли собой дворянские лидеры? Каков был реальный круг их обязанностей? Существовала ли какая-то закономерность в дворянском выборе? Если да, то как эта закономерность связана с эволюцией дворянского общества и дворянских организаций? При этом кажется важным взглянуть на предводителей дворянства не только как на политический институт (часть государственного механизма), но и социальный и культурный (в широком смысле этого слова) феномен.

Не претендуя на широкие обобщения, попробуем проанализировать имеющиеся в нашем распоряжении материалы о жизни и деятельности таврических губернских предводителей дворянства.

Институт уездных предводителей дворянства был учрежден манифестом Екатерины II от 14 декабря 1766 года для решения вполне конкретной задачи: организации выборов депутатов в Комиссию для составления проекта нового Уложения. Опыт оказался удачным. Предводители дворянства с задачей справились. Сами выборы стали событием в провинциальной жизни. Еще дважды в 1768 и 1771 году выборы возобновлялись, после чего стали регулярными. В "Жалованной грамоте дворянству"(1785), окончательно оформившей структуру дворянского самоуправления, предполагалось раз в три года наряду с уездными избирать губернского предводителя.

Нет сомнения, что замыслы Екатерины II были далеко идущими. В освобожденном от обязательной службы, просвещенном и должным образом организованном дворянстве императрица (в духе модных идей своего времени) хотела видеть то, что теперь принято называть гражданским обществом. Предводители дворянства, получившие титул "почтенный", должны были стать не просто выборными чиновниками, но посредниками между "обществом"* и властью. (*Само слово "общество" распространилось в России, по мнению Ричарда Пайпса, в царствование Екатерины II. Пайпс Р. Россия при старом режиме. - М., 1993, с. 171)

Вместе с тем, прагматичная Екатерина надеялась использовать дворянские выборы для удовлетворения насущной потребности усиления местной власти. И образ "почтенного", независимого от губернатора, имевшего право сношения с верховной властью предводителя дворянства имел, в этой связи, заманчивые перспективы.

Можно ли точно очертить круг обязанностей губернских предводителей? Едва ли. Обязанности губернских и уездных предводителей образовывались и возрастали постепенно - исчезали одни и появлялись новые. Можно выделить, правда, три направления в их деятельности.

Первое (и долгое время главное) - участие в местном управлении. "Один перечень комитетов и комиссий, в которых они были заняты, свидетельствует о причастности их в той или иной форме почти ко всем сферам местного управления," - утверждает А.П. Корелин.ⁱⁱ В Таврической губернии, где дефицит чиновников всегда был значительным, деятельность дворянских предводителей была особенно заметной.

Замещая вице-губернатора, предводитель дворянства подчас руководил рекрутским набором, принимал активное участие в организации почтового сообщения и контроле за ним, организовывал аукционы по закупке продовольствия для казенных нужд, принимал активное участие в раскладке земских повинностей и т.д.

Особенно хлопотным для предводителей дворянства был николаевский период истории. В своих усилиях по модернизации государственного механизма Николай I немалые надежды возлагал на энтузиазм выборных чиновников от дворянства. "Они должны, - предписывал император в 1832 году, - наблюдая за ходом дел, нуждами и состоянием края, доводить до высочайшего сведения всякую полезную мысль, всякое предложение о мерах для искоренения злоупотреблений или устранения замеченных в местном управлении неудобств."ⁱⁱⁱ

Для того, чтобы предводителям было удобнее наблюдать за ходом дел, их привлекали ко всякому мероприятию, всякая комиссия и комитет желали видеть их в своем составе, министерства и другие центральные ведомства требовали у них разнообразную информацию. В результате, когда в 1850 году в Министерстве внутренних дел пытались составить инструкцию для губернских и уездных предводителей, выяснилось, что "некоторые обязанности, возложенные на предводителей дворянства губернским начальством, не соответствуют, а другие вовсе неприличны их званию."^{iv}

Был составлен список "неприличных" обязанностей из 37 пунктов. Из списка можно узнать, что предводители дворянства председательствовали в комитете о весах и мерах, в комитете о разборе податных и других недоимок, в комитете по исправлению зданий присутственных мест и в комитете по украшению уездных городов. Ежемесячно были обязаны освидетельствовать провиантский магазин, наблюдали, чтобы при покупках хлеба не было обвеса, брали в пользу казны акцизы с трактирных заведений в городах, нанимали этапные дома (для арестантов) и следили за их состоянием. И прочее. В этом списке зафиксированы только регулярные обязанности. Помимо этого, если губернатору хотелось уточнить, "водятся ли в Таврической губернии суслики", то с этим вопросом он обращался к предводителю дворянства.

Как и другие чиновники, предводители дворянства ежегодно подавали отчет о количестве решенных и нерешенных дел.^v Пытались даже взимать пеню с уездных дворянских предводителей за нерадение и медленное решение дел.^{vi} И все равно, трудно представить, чтобы предводители успевали во всех делах. Интересно также, что, хотя в тридцатые годы прошлого столетия, судя по описи фонда губернского предводителя дворянства, количество дел увеличивается в два раза по сравнению с предшествующим периодом, все-таки абсолютное их количество невелико (до 77 в год).

Но не столько нерадивость предводителей тормозила преобразования. Сама система не предусматривала регулярного механизма обратной связи между верховной властью и предводителями. И даже если дворянские руководители видели недостатки управления и успевали задумываться над мерами по его улучшению, то делиться своими наблюдениями с Петербургом не спешили. В делах Таврических губернских предводителей нами найден только один отчет, относящийся к этому времени, о нуждах таврического дворянства, составленный по прямому указанию императора. Предписание это было реакцией на общее обращение тринадцати предводителей дворянства великорусских губерний. Рассерженный император велел напомнить всем предводителям, что "такой образ изложения губернских нужд несовместим с данным на то Его Величеством дозволением". Каждый из предводителей должен был высказываться особо. Коллективные обращения выглядели подозрительно.^{vii}

Со временем эта часть обязанностей предводителей становится гораздо менее обременительной. Хлопоты о местном управлении передаются земствам. И, хотя предводители дворянства иногда совмещают свою должность с должностью председателя земской управы, такое совместительство (хоть и поощряемое правительством, как считает А.П. Корелин) не является обязательным.

Другая сфера предводительской активности - сословные дела. Из них важнейшее - ведение родословных книг. Решение о составлении новой родословной книги было принято в 1761 году. Верховная власть после долгих колебаний, решила доверить важное дело учета местным дворянским организациям. Дворянские депутатские собрания занялись проверкой документов и вынесением вердикта - действительно ли кандидат принадлежит к дворянскому сословию и в какую из шести частей родословной книги может быть внесена его фамилия. Л.А.Быкова, исследовавшая процесс составления родословной книги Тверской губернии уверяет, что указы 1796 и 1797 года о запрещении выдавать грамоты о дворянском достоинстве без высочайшего утверждения были восприняты многими депутатскими собраниями "как полное запрещение своей деятельности".^{viii} На самом деле учет дворян по-прежнему велся на уровне губерний, и за составление родословных книг отвечали депутатские собрания и предводители дворянства. Но их оставляли без решающего голоса, в роли организации, которая осуществляла предварительную проверку документов и затем регистрировала решение Сената. Хороши ли эти изменения были для дела - вопрос спорный. Но авторитет дворянских организаций они не повысили.

В Таврической губернии ситуация с составлением родословных книг была осложнена неопределенным статусом греческих и татарских дворян. Верховная власть то принимала их в сословие скопом, то требовала непременно письменных доказательств, то отдавала решение этого вопроса специально составленной комиссии, но все равно бесконечно долго тянула с окончательным утверждением. В результате каждые три года губернский предводитель должен был решать: как обойти закон и разрешить участвовать в выборах дворянам, не внесенным в родословную книгу Таврической губернии.

Организация дворянских выборов была еще одной важной стороной предводительской деятельности. Составлением и проверкой списков имеющих право на участие в выборах занимались уездные предводители. Первоначально проверялась только принадлежность к дворянству данной губернии. В двадцатые годы предводителям нужно было отстранить от выборов всех, кто каким-то образом привлекался к судебной ответственности (а таких, особенно среди чиновников, было немало). И, наконец, после введения ценза, проверка состояла в определении уровня состоятельности и, в зависимости от этого, установления степени участия каждого желающего.

Губернский предводитель координировал организацию дворянских съездов, а во второй половине XIX-начале XX века готовил материалы, которые съезд рассматривал. Это время, когда, невзирая на недовольство верховной власти, губернские предводители, сначала посредством переписки, а затем во время совещаний стремились скоординировать усилия дворянских организаций по защите своего экономически гибнущего сословия. Не исключено, что, если бы процесс политической либерализации затянулся, именно на съездах дворянских предводителей могла быть оформлена правая оппозиция.

Кроме того, на губернского предводителя нелегким грузом ложилась и та часть работы, которая не отражалась в официальных отчетах. Не секрет, что дворянские съезды были не только общественно-политическими мероприятиями, но и культурно-развлекательным. "Ярмарки невест," - однажды иронично отозвался о продолжительных дворянских съездах Павел I.^{ix}

Судя по описи фонда губернского предводителя дворянства^x, в период между съездами губернский предводитель дворянства в сословной сфере обеспечивал деятельность губернского дворянского собрания, решал кадровые вопросы, контролировал сбор и расходование дворянских капиталов, выдавал дворянам свидетельства для поступления на службу и паспорта, надзирал за неблагонадежными и помогал (непосредственно или через опеку) неимущим членам сословия. Предводитель дворянства отвечал за отбор дворянских детей в закрытые учебные заведения. К авторитету губернского предводителя дворянства часто прибегали при разрешении споров между членами сословия.

При Николае I предводитель дворянства мог быть наказан (вплоть до увольнения) "за неприятие своевременных мер к предупреждению чрезмерного злоупотребления владельцами помещичьей властью". Устрашающие секретные циркуляры о случаях такого рода правительство распространяло по всей стране.^{xi}

Нужно отдать должное предводителям дворянства. Свой авторитет и влияние они часто использовали для помощи обращающимся к ним. Не имея право самостоятельно, без решения собрания оказывать материальную помощь, предводители дворянства часто ходатайствовали об устройстве на службу и на учебу, помогали уладить юридические проблемы. Просьбы могли быть довольно необычными. Так, штабс-капитан Леонид Петрович Максимович, служащий в Ходженте и не имевший возможности приехать в Крым, обращался к таврическому губернскому предводителю А.Ф.Равелиоти с просьбой сообщить о судьбе своей матери Анжелики Александровны (урожденной Бертъе-Делагарт).^{xii}

Третьей важной стороной деятельности губернских предводителей дворянства было представительство в самом широком смысле этого слова. Предводитель дворянства от лица своих избирателей участвовал в общественных мероприятиях и программах. Среди проектов, которые на протяжении длительного времени опекали таврические губернские предводители, можно выделить Симферопольскую мужскую гимназию, театр, получивший название дворянского, благотворительное учреждение - Странно-Приемный дом, имени одного из губернских предводителей А.С.Таранова-Белозерова.

Конечно, различие между участием предводителя дворянства в делах местного управления и в общественной деятельности может показаться несущественным. Но оно имеет принципиальный характер. В делах управления и отчасти в сословных делах предводители дворянства выступали как агенты аппарата государственной власти, практически независимые и неподотчетные избирателям. Тогда как, представляя местное дворянство в общественных и благотворительных проектах, предводители использовали не только авторитет дворянства, но и его средства, решения о выделении которых принимались общими собраниями.

Через предводителей дворянства распространялась информация о новых научных и литературных журналах. В 1838 году Министерство внутренних дел предписывало губерскому предводителю "пригласить таврическое дворянство к подписке на сочинения покойного поэта Пушкина". Трудно сказать, достаточно ли внимания уделяли предводители благоотво-

рительной деятельности. Но участие в такого рода проектах, образовательных и культурных программах было обязательной частью деятельности дворянских корпораций, как и большинства других общественных организаций в дореволюционной России. И это примечательно.

Представительство другого рода - при императорском дворе – как раз отличает дворянские организации от многих других. Приглашения предводителей дворянства на важные для правящей династии мероприятия должны были демонстрировать единство и духовную близость самодержавия и дворянства. С этой целью правительство год от года все более щедро награждало предводителей чинами гражданскими и придворными, орденами, а предводители, в свою очередь, не упускали случая выразить свои верноподданнические чувства монархии. Таврические предводители дворянства чаще других имели возможность засвидетельствовать лично свою преданность монархии, встречая и провожая (а иногда и сопровождая) отдыхавших в Крыму членов императорской семьи.

Подводя итоги этому, довольно беглому, обзору предводительской активности, можно сделать следующие выводы.

Институт предводителей дворянства, несомненно, центральная часть системы дворянских организаций. Предводители дворянства были одновременно и государственными чиновниками, и общественными деятелями. Чиновники от дворянства очень активно использовались в местном управлении. Однако попытки Николая I придать деятельности чиновников от дворянства особый характер, основанный на их независимости от губернаторов и возможной близости к правительству, не увенчались успехом.

В своей деятельности предводители были полностью зависимы и подотчетны государству. Напротив, со своими избирателями они были связаны скорее моральными обязательствами.

После учреждения земств предводители дворянства становятся в большей мере общественными деятелями, многие - с политическими амбициями. К концу XIX века предводители (правда, не все и несмело) осваивают новую роль - защитников интересов сословия. Предводители ведут переписку, выносят на заседания дворянского собрания общесословные вопросы.

Их высокий социальный статус и нарочитая близость к самодержавию, позволяет нам, вслед за Н.П. Ерошкиным, отнести предводителей дворянства к высшей прослойке чиновничества. Но утверждение того же автора, что предводители дворянства участвовали в выработке курса политики крепостнического государства^{xiii}, кажется недостаточно обоснованным, поскольку неясен механизм такого участия.

Что касается неформального статуса дворянских предводителей, то очевидно, что они сосредоточивали в своих руках все нити провинциальной дворянской сословной активности, являясь своеобразным символом дворянского единства. Но в глазах "просвещенного общества" репутация предводителей сильно проигрывала от близости к правительству.

Такой разнообразный характер деятельности требовал от предводителей не только служебного, но и своеобразного жизненного опыта.

Самый первый документ, регламентирующий дворянские выборы (уже упоминавшийся манифест 1766 года), предусматривал очень простые претензии к будущему кандидату: дворянин, владеющий имением в данном уезде, старше тридцати лет, не опороченный по суду и известный своей нравственностью. По мере оформления должности требования возрастали.

Во-первых, предводитель дворянства должен был быть богат, поскольку он не только не получал жалования за свою деятельность, но и не имел возможности уделять должного внимания своему хозяйству. Во-вторых, он должен иметь достаточный служебный опыт и высокий чин, для того, чтобы занимать соответствующее положение в местной иерархии. В-третьих, он должен быть человеком не только известным, но и уважаемым. Ну и, наконец, он должен был быть общительным, обаятельным и, что называется, светским. Насколько таврические предводители соответствовали этому "виртуальному" образу?

Таврическое дворянское депутатское собрание было открыто в августе 1803 года. Его возглавил дворянин греческого происхождения - Евстафий Иванович Нотара, которого можно считать первым губернским предводителем дворянства.* (До учреждения Таврической губернии производились дворянские выборы, но документы этого периода нам не известны.) Евстафий Иванович занимал эту должность до самой смерти в 1809 году. Биография первого губернского предводителя очень характерна для большей части крымского дворянства. Он был один из тех, кто вступил на российский флот во время русско-турецкой войны в 1769 году. Первое свое задание - склонить жителей Мореи принять русское подданство, - получил лично от графа Алексея Орлова. "Что исполнил" - свидетельствует формулярный список. Участвовал в сражении русского и турецкого флотов в Чесменской бухте, в осаде Лимноса, в десанте на острова Неграпонт и Метелин. Командовал албанским батальоном. Состоял адъютантом при генерал-поручике Иване Абрамовиче Ганнибале (старшем сыне знаменитого "арапа Петра Великого", героя Наваринского сражения, двоюродном деде Александра Пушкина)*; как свидетельствует Н.Я. Эйдельман, гениальный внук очень гордился героическим дедушкой, имя которого было выбито на специальной колонне в честь русских побед, установленной в Царском Селе. Эйдельман Н.Я. Твой 18-й век. - М. Мысль, 1991 год, с.17) В 1778 году Нотара перешел на гражданскую службу. Был пожалован званием коллежского асессора. Этот чин восьмого класса давал право на потомственное дворянство и был значительным карьерным успехом, если учесть, что на русскую службу Нотара поступил в звании подпоручика (тринадцатый класс). В 1784 году Евстафий Иванович был определен начальником таврического карантинного пункта. "Сохранил Таврический край от опасной заразы, способствовал обустройству греков в Крыму." Председательствовал в Таврической гражданской палате (высшей судебной инстанции в губернии). С 1796 года дважды избирался предводителем дворянства Акмечетского уезда. В 1797 году получил чин статского советника (пятый класс).^{xiv} Такая служебная биография как нельзя лучше подготовила Евстафия Ивановича к выполнению обязанностей губернского предводителя, способствовали этому и богатый жизненный опыт, хорошее знание местных условий (обстоятельство для Таврической губернии исключительно важное), многочисленные связи среди помещиков и чиновников.

Немолодому уже Евстафию Ивановичу проходило проявлять недюжинную энергию.

Можно сколько угодно говорить о несовершенстве системы, но нельзя не признать, что толковый человек может быть полезным в самой несовершенной системе, и наоборот. Опасаясь однозначных оценок, скажем все же, что Евстафий Иванович Нотара в нужное время занимал нужное место. Его практичный ум и хозяйственные способности принесли немало пользы в строящейся губернии.

Особо хочется выделить хлопоты Нотары по организации губернской гимназии. Из Гессена попечитель учреждения в Симферополе учебных заведений граф Северин Потоцкий писал Нотаре: "...поставляю приятнейшим долгом изъявить Вам признательность мою за усердие и внимание Ваше к учебной части... Я покорнейше прошу Вас, Милостивый государь мой, не оставлять меня дальнейшим сообщением от Вас, как от такой особы, коей наиболее известны нравы и обычаи тамошних жителей и местные обстоятельства города." Именно Евстафий Иванович предложил организовать преподавание татарского, турецкого и греческого языков и мусульманской религии, справедливо полагая, что это обстоятельство "послужит к большому поощрению родителям отдавать детей своих в училища."^{xv}

Немало усилий требовало устройство сословных дел. Нельзя забывать, что Евстафий Иванович предводительствовал в Таврической губернии, где большая часть дворян - татары и греки – не были окончательно включены в состав сословия, не знали русского языка и не имели интереса и желания участвовать в деятельности своей организации. В губернии, где приходилось преодолевать элементарные бытовые препятствия, для того, чтобы организовать дворянские выборы в скромном губернском городе.

В конфиденциальной характеристике на имя министра внутренних дел князя Алексея Куракина было указано, что Евстафий Иванович Нотара не получил того воспитания, "которое образует человека светского,...но одарен от природы особенно здравым рассудком и умом тонким и проницательным. Несомненно г.Нотара усерден, дом его составленный многочисленным семейством обитает тишиной и спокойствием, бедным он помогает, мурзы к нему питают доверие."^{xvi}

Дети Евстафия Ивановича (а он вместе с женой Елизаветой Дмитриевной воспитывал девятерых, и еще родного племянника) пошли по стопам отца. Трое сыновей Евстафия Ивановича отличились во время Отечественной войны 1812 года и заграничного похода 1813-1814 годов. Степан Нотара, артиллерийский капитан, был награжден помимо других орденов редким орденом Св.Георгия 4 класса и золотой шпагой за храбрость, с 1826 года его дважды избирали губернским предводителем дворянства. Дмитрий Нотара - гусар, полковник, адъютант при графе Витгенштейне. Отличился при Суассоне и штурме Монматра. Восприемниками его дочери были Михаил Воронцов и жена губернатора - Варвара Казначеева. Старший брат - Иван, подполковник артиллерии. Боевой офицер, после выхода в отставку неоднократно избирался феодосийским уездным предводителем дворянства.^{xvii} Активное участие детей Нотары в делах своего сословия можно считать показательным. Эту особенность - участие одного рода в управлении сословными организациями на протяжении нескольких поколений - отмечал, как пишет А.П. Корелин, дореволюционный исследователь Б.Б. Веселовский.^{xviii} И семейство Нотариных не единственный пример такого рода.

Так высший пост в дворянской иерархии Таврической губернии занимали в разное время отец и сын - Олив Вилиам Николаевич и Олив Вивиан Вильямович. Старший Олив, француз по происхождению, в 1820 году поступил на службу в Уланский Его императорского Высочества Константин Павловича полк. Был назначен адъютантом к великому князю Константину. Через восемь лет в чине ротмистра оставил службу, женился на дочери полковника - Софии Щербиной, купил землю в Таврической губернии и сделался крымским помещиком. В 1845 году Вилиама Николаевича избрали Ялтинским уездным предводителем дворянства, а три года спустя ялтинские дворяне повторили свой выбор. А с 1849 по 1853 год Вилиам Николаевич исполнял обязанности губернского предводителя дворянства.^{xix}

Его сын - Вивиан Вильямович Олив воспитывался в Николаевском Кавалерийском училище. В службу вступил корнетом в Лейб-гвардейский гусарский полк 1866 году. В 1871 году был назначен адъютантом к Московскому генерал-губернатору князю Долгорукому. Через пять лет Вивиан Вильямович вышел в отставку в возрасте 29 лет, в чине полковника, щедро награжденный не только российскими, но и иностранными орденами. Молодой и богатый, успешный (сочетание качеств, обозначавшееся тогда одним словом - блестящий) полковник показался своим землякам еще разумным и справедливым человеком: члены феодосийского земского собрания четыре раза избирали его почетным мировым судьей. Вероятно, эта деятельность добавила гвардейскому офицеру необходимого практического опыта. Во всяком случае, дворяне, избравшие его губернским предводителем в 1887 году, не были разочарованы, и еще дважды подтверждали свой выбор. Вивиан Вильямович Олив отличился в благотворительной деятельности. В 1889 года он был утвержден попечителем Странно-Приемного дома Таранова-Белозерова. В 1902 году участвовал в деятельности Особого комитета помощи голодающим, был командирован для закупки хлеба. Известно активное участие Олива-младшего в деятельности Таврической ученой архивной комиссии. Общественная активность Таврического предводителя не была оставлена без внимания правительства. "За отлично усердную и ревностную службу" он был пожалован чином действительного статского советника, камергером двора его императорского величества, награжден орденами Св. Владимира 3 степени, орденом Святослава 1 степени.^{xx}

Любопытно, что Оливы были католиками. Факт этот свидетельствует о завидной веротерпимости таврических дворян - мусульман и православных в подавляющем большинстве. Среди примеров такого рода можно назвать еще уездных предводителей - Г.Г. Мурзаев принадлежал к армяно-католической конфессии, а Н.А. Султан-Крым - Гирей-Адил-Гирей, к англиканской церкви.^{xxi}

Но веротерпимость в послепетровской России - явление достаточно ординарное (даже после провозглашения уваровской триады). Интересно, на самом деле, другое. В губернии, где половина дворянских выборщиков - мусульмане, губернский предводитель из татар был избран только однажды. В 1823 году за полковника и кавалера Ахмет бей Хункалова было подано 67 голосов, а за его соперника - А.М.Филантьева - 51. И этот единственный раз новороссийский генерал-губернатор М.С.Воронцов не утвердил первого кандидата, никак не объясняя причин, просто сославшись на свое право.^{xxii}

Справедливости ради заметим, что в "догубернский" период крымской истории не только предводитель дворянства, но и все остальные выборные чиновники, как видно из опубликованных г.Кириенко документов, были татарами. Этот факт находит простое объяснение в существовавшей демографической ситуации. И, может быть, в известном политическом направлении, заключающемся в повышенной лояльности к представителям местного нобилитета, сотрудничающим с новой властью. Так предводитель крымского дворянства Мехмедшин бей Ширинский, которому покровительствовал сам П.А. Зубов, в нарушение закона, получал жалование - 2000 рублей в год.^{xxiii}

Возвращаясь к биографии отца и сына Олив, отметим еще одну особенность, характерную для жизненного пути многих других таврических губернских предводителей, - военную службу в гвардейских частях. Из 16 губернских предводителей 12 сделали военную карьеру - 8 служили в элитных гвардейских частях. В самом деле, кто лучше молодежого гвардейского офицера, красавца и орденосца мог представить дворянское общество? Более подробное знакомство с биографиями заставляет умерить иронию.

Башмаков Дмитрий Евлампьевич руководил Таврическими дворянами с 1832 по 1834 год. Происходил из очень бедной дворянской семьи (отец владел 2 крестьянами) Симбирской губернии. Смог сделать блестящую карьеру в Петербурге. Свой первый орден - Св. Владимира IV степени полковник Башмаков получил за Смоленское сражение, когда, командуя отрядом казаков, героически сдерживал противника на левом фланге. За участие в Бородинском сражении - получил орден Св. Анны IV степени. Отличился Дмитрий Евлампьевич и во время заграничного похода русской армии - был награжден золотой шпагой "За храбрость" (интересно, что грамоту на эту награду Башмаков получил только в 1829 году от Николая I). После войны служил адъютантом по особым поручениям при графе М.С. Воронцове. В 1829 году уволился с военной службы с чином действительного статского советника и камергера. Был женат на внучке великого полководца Суворова - графине Варваре Аркадьевне. С начала тридцатых годов Д.Е. Башмаков - крымский помещик. Жил в Симферополе. Имел обустроенное на европейский лад имение в Евпаторийском уезде (конный завод, тонкорунное овцеводство), сад (10 тысяч деревьев) и виноградник на Южном берегу Крыма. К сожалению, род Башмаковых не закрепился в Крыму. Супруга Дмитрия

Евлампьевича вторично вышла замуж за князя Горчакова и уехала в Петербург, а сыновья просили переслать документы о дворянстве рода Башмаковых в Тамбовскую губернию.^{xxiv}

Еще более успешной была карьера другого губернского предводителя - Александра Ивановича Казначеева. Как и Башмаков, Казначеев имел очень скромное происхождение (имение и 25 душ в Рязанской губернии). Службу в Петербурге начал в канцелярии СПб учебного округа и особенного докладчика Его Императорского Величества действительного тайного советника Новосильцева. В 1809 году переведен в комиссию по составлению законов. Но настоящая звезда Александра Ивановича взойшла во время войны с Наполеоном. Вступивший в ополчение, А.И. Казначеев становится бессменным ординарцем при генерал-фельдмаршале князе Голенищеве-Кутузове и, кроме того, исполняет должность экспедитора при канцелярии главнокомандующего. Был награжден за отличие в Бородинском сражении орденом Св. Анны IV степени на шпаге и другими орденами и медалями за кампанию 1812-14 гг. В 1813-15 годах служил адъютантом в Главном штабе армии. Некоторое время старшим адъютантом в Дежурстве Александра I. Быстрота карьеры изумляет. Начав военную службу в 1812 году поручиком, Казначеев три года спустя - гвардейский полковник. Причем последние два чина - подполковника и полковника, он получает, прослужив меньше трех месяцев в Лейб-гвардии Павловском полку. Службу продолжил в отдельном экспедиционном корпусе во Франции под началом генерал-адъютанта графа М.С. Воронцова. Михаил Семенович Казначеева заметил, и пригласил на должность правителя своей канцелярии.

Как и Башмаков, Александр Иванович Казначеев через свою жену - княгиню Варвару Дмитриевну Волконскую - породнился с высшей знатью империи. И, благодаря многочисленным денежным пожалованиям, из мелкопоместного дворянина превратился в богатого помещика. В 1829 году карьерный список Казначеева украсился записью о назначении его на должность Таврического гражданского губернатора. Судя по количеству наград и поощрений, справлялся с ней весьма успешно. Уволен был по собственному желанию в 1837 году. А в 1845 таврические дворяне избрали своего бывшего губернатора, тайного советника Казначеева на должность губернского предводителя дворянства. И через три года выбор повторили. Опытный администратор с богатейшими связями и авторитетом, Александр Иванович как нельзя лучше подходил к этой должности. За деятельность в качестве предводителя дворянства, Казначеев в 1847 году был награжден орденом Св. Владимира II степени.^{xxv}

Конечно, нет сомнения, что хорошо образованный и интеллектуально развитый гвардейский офицер XIX века мог служить не только украшением парадов и бальных залов. Но все же более успешно дела шли у тех предводителей, которые имели помимо военного - опыт гражданской службы.

Василий Иванович Попов - потомок знаменитого секретаря Г.А. Потемкина - Василия Степановича Попова, богатейший из таврических предводителей дворянства: только в Таврической губернии ему принадлежало почти 100 тысяч десятин земли. После окончания привилегированного Пажеского корпуса переменял военную службу в Петербурге с общественной деятельностью в Таврической губернии. Участвовал в комиссии по освобождению крестьян в Мелитопольском и Бердянском уездах (получил серебряную медаль за труды), год прослужил Мелитопольским уездным предводителем, избирался на должность мирового судьи и мирового посредника. Весьма успешно служил губернским предводителем в течении шести лет.^{xxvi}

Интересно, что его сын - Попов Павел Васильевич - по окончании Петербургского университета с дипломом первой степени, занялся общественной деятельностью. Служил почетным попечителем Симферопольской гимназии и почетным попечителем детских приютов, а с 1900 года до самой революции с энтузиазмом и весьма успешно - ялтинским уездным предводителем дворянства.* (Большой патриот своего рода, в 1916 году Павел Васильевич обратился с просьбой "во внимание к заслугам его предков в деле присоединения Крыма к России, именоваться с нисходящим потомством "Поповы-Крымскими". ГААРК.Ф.49.Оп.1.д.1881. Л.84)

Начав службу титулярным советником (9 класс), Попов - младший через десять лет стал действительным статским советником (4 класс).^{xxvii} Пример Павла Васильевича Попова и другие примеры такого рода свидетельствуют - в начале XX века служба по дворянскому выбору выделяется как самостоятельный вид деятельности, сулящий не только моральное удовлетворение, но и быстрый карьерный рост.

Близость предводителей ко двору давала им шанс на стремительное продвижение. Гвардейский поручик Николай Николаевич Овсянник-Куликовский, был избран в губернский предводителем в 1853 году. "За оказанное усердие при возлагавшихся на него во время войны поручений" награжден орденом Св. Анны II степени и бронзовой медалью, установленной в память войны 1853 -1856 гг. Александр II при вступлении на престол, произвел гвардии поручика в Статские советники (9-4 класс). Может быть Н.Н. Овсянник-Куликовский действительно особенно отличился во время войны? Но в подробной книге А.И. Маркевича "Таврическая губерния во время Крымской войны (по архивным материалам) исключительных заслуг предводителя дворянства не отмечено. А разгадка такой счастливой карьеры наверное, в дружеских отношениях с великим князем Николаем Николаевичем - родным братом нового императора, которого Овсянник-Куликовский даже смог пригласить восприемником (крестным отцом) своего второго сына.^{xxviii}

Дворян Таврической губернии, правда, такой фаворитизм не насторожил. Они не только избрали Н.Н. Овсянник-Куликовского на второй срок, но и по прошествии ряда лет с удовольствием пригласили вновь уже тайного советника стать своим лидером (1864-1875). В 1896 году семидесятилетний Николай Николаевич сам отказался от лестного предложения занять должность губернского предводителя.* (Интересно, что отец Николая Николаевича в свое время восемнадцать лет занимал должность предводителя дворянства Днепровского уезда и был известен личной благотворительностью).

Но было бы несправедливым видеть в такого рода карьерах систему. Для Таврической губернии, во-всяком случае, это единственный случай. Все другие губернские предводители дворянства преуспевали в какой-либо деятельности еще до того, как занимали высший пост в дворянской иерархии. И должность губернского предводителя никак нельзя считать трамплином для карьерного роста. Скорее она (эта должность) как финальный аккорд напряженной служебной деятельности.

Примером такой "трудной" карьеры может служить биография Петра Алексеевича Взметнева. Потомственный крымский помещик, он начал службу в один год с Александром Ивановичем Казначеевым - в 1804. Только не в Петербурге, как последний, а в Саратовской соляной конторе губернским регистратором. Какой случай изменил судьбу Петра Алексеевича, мы не знаем, но в 1809 году он переведен в Петербург в Кабинет Его Императорского Величества. В 1812 году, не поддавшись общему порыву, Взметнев не записывается в ополчение, а становится секретарем при Министре финансов. И свой первый орден в 1816 году - Св. Владимира IV степени (и бриллиантовый перстень) - получает не за военные заслуги, как его сверстники, а за составление Нового Европейского Тарифа. Затем в биографии Петра Алексеевича - участие в составлении Устава о питейном сборе и учреждения для управления им, Устава о соли и Соляном управлении, Таможенного тарифа, Устава по Азиатской и Европейской границе, отчета о суммах, затраченных на проведение в 1810-1822 годах загра-

ничных операций, обзор прав малороссийских казаков на владение землей. Деятельность Петра Алексеевича носила не только теоретический характер. Заслуги Взметнева по возвращению государственной собственности, при желании, можно выразить суммой в рублях. Так, при производстве дела по просьбе соляных поставщиков он сумел доказать неправомерность их претензии и спас для казны 2253713 рублей и 44 копейки. Другой раз он отсудил у рода Строгановых земельный участок на реке Чусовой "на пространстве более 500 верст". Вернул в казну имение помещика Черепова - 37 тысяч десятин земли и 5000 душ). И, наконец, когда сын придворного банкира Сутернанда пытался отсудить у казны недоимки, Петр Алексеевич не только защитил финансовые интересы государства, но и доказал, что на самом деле Сутернанды должны казне 1300000 рублей.

При этом было бы преувеличением назвать служебный рост Взметнева стремительным. В отставку он вышел в 1826 году статским советником. Вернулся в Таврическую губернию, где к родовому поместью в Симферопольском уезде (7000 десятин) прикупил еще два - в Симферопольском (5000 десятин) и в Феодосийском уезде (1000). Таврическим губернским предводителем П.А.Взметнева избирали, как и Н.Н.Овсянко-Куликовского, несколько раз - в 1836-41 годах и в 1861-63.^{xxix}

Такое постоянство дворянских предпочтений тоже можно считать характерной особенностью дворянских выборов. Сам механизм выборов - обязательная баллотировка прежнего предводителя – способствовал этому. Но были и другие причины. Во-первых, реальных кандидатов было всегда немного. Но и среди тех, кто подходил на эту должность, непросто было найти человека, согласного принять на себя обязанности и хлопоты. Поэтому случайных людей среди таврических предводителей практически не было, и должность свою они оставляли либо по собственному желанию, либо, как люди в большинстве своем немолодые, умирали.* (Известен, правда, случай, когда из-за преклонного возраста в 1909 году не был утвержден уездный предводитель дворянства Евгений Владимирович Рыков. Выпускник Академии художеств, он служил уездным предводителем Мелитопольского уезда 34 года. Ф.49.Оп.1.Д.5333.)

Еще одной причиной стабильности дворянской иерархии считать то обстоятельство, что деятельность губернского предводителя редко затрагивала повседневные нужды избирателей. Документы о дворянских выборах не зафиксировали борьбы интересов и программ. Альтернативность, обязательная по закону, чаще всего состояла в формальной баллотировке.

Конечно, характер наших источников (формулярные списки и прочее) не дает нам возможности составить психологический портрет предводителя дворянства. Но с уверенностью можно утверждать, что за редкими исключениями губернские предводители дворянства были людьми масштабными. Их нельзя назвать неординарными в том смысле, который закрепился в нашем языке. Их жизненные ценности, идеалы и предпочтения были характерны для среды и времени, которое они представляют. Но именно в их личности были такие черты (энергия, ум, храбрость, обаяние), такие крупницы харизмы, которые привлекали к ним людей.

Мы начали эту статью литературной ассоциацией, вспомнив "народный" образ дворянского предводителя. А закончить хотим вопросом, тоже имеющим отношение к русской литературе. Почему в обширной галерее сатирических образов русских чиновников, созданных Н.В. Гоголем, М.Е. Салтыковым-Щедриным, нет портрета предводителя дворянства? Может быть, потому, что они не давали повода для сатиры?

ⁱ Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861-1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация.-М.,1979.-С.133

ⁱⁱ То же.С.220.

ⁱⁱⁱ Там же.

^{iv} ГААРК. Ф.327.Оп.1.Д.745.1-12лл.

^v ГААРК.Ф.49.Оп.1.Д.858.Л.2-3об.

^{vi} ГААРК.Ф.49.Оп.1.Д.959.Л.1.

^{vii} ГААРК.Ф.327.Оп.1.д.3044.Л.1.

^{viii} Быкова Л.А. Дворянская родословная книга Тверской губернии 1787-1797. Источники. Истории составления.// Генеалогические исследования.-М.,1994.-С.77.

^{ix} Эйдельман Н.Я. Грань веков.-М.,1988.-С.360.

^x ГААРК.Опись фонда N327.

^{xi} ГААРК.Ф.327.Оп.1.Д.741 Л.1.

^{xii} ГААРК.Ф.49.Оп.1.Д.4538.Л.88-88об.

^{xiii} Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. -М.,1981.-С.62

^{xiv} ГААРК. Ф.49.Оп.1.Д.112.Лл.16-18 об.

^{xv} ГААРК.Ф.49.Оп.1. Д.279. Л.1-2об.

^{xvi} ГААРК.Ф.24.Оп.1.Д.238. Л.2-2об.

^{xvii} ГААРК.Ф.49.Оп.1.Д.5689.

^{xviii} Корелин А.П. Указ.соч.-С.225.

^{xix} ГААРК.Ф.49.Оп.1.Д.6566.Лл.110-111.

^{xx} ГААРК.Ф.327.Оп.1.Д.2997.

^{xxi} ГААРК.Ф.327.Оп.1.Д.2359

^{xxii} ГААРК.Ф.49.Оп.1.Д.749.Л.70,74.

^{xxiii} Сообщение г.Кириенко о найденном им в архиве Губернского Правления дел: "по прошению Таврических депутатов 1798 г.// ИТУАК.-N2.-1897. С.15-19.

^{xxiv} ГААРК. Ф.49. Оп.1.Д..5530.

^{xxv} ГААРК.Ф.49.Оп.1.Д.6569.

^{xxvi} ГААРК.Ф.26.Оп.1.Д.27486.Лл.89-94об.

^{xxvii} ГААРК.Ф.51.Оп.1.Д.64. Л.2-4об.

^{xxviii} ГААРК.Ф.49.Оп.1.Д.6957.Лл.1-4об.

^{xxix} ГААРК.Ф.49.Оп.1.Д.6563.Лл.23-29об.